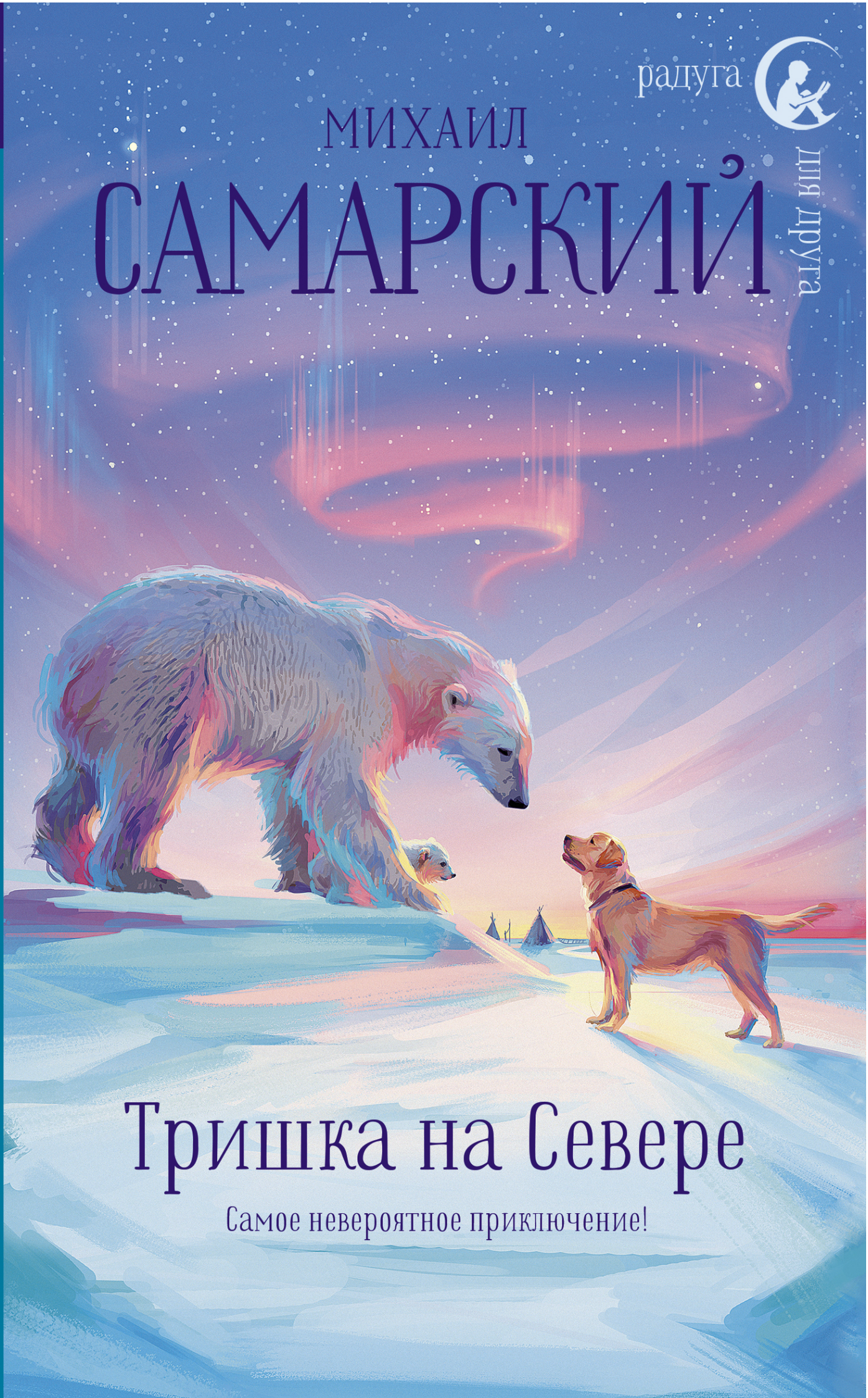
радуга

МИХАИЛ

САМАРСКИЙ

для друга



Тришка на Севере

Самое невероятное приключение!

Радуга для друга

Михаил Самарский

Тришка на Севере

«Издательство АСТ»
2019

УДК 881.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самарский М. А.

Тришка на Севере / М. А. Самарский — «Издательство АСТ», 2019 — (Радуга для друга)

ISBN 978-5-17-114637-5

Лабрадор Трисон, самый верный на свете пес, едет вместе с хозяином на Север! Там, в этом королевстве снега и льда, он поучаствует в гонках на собачьих упряжках, побывает в яранге в гостях у чукчей, спасет белого медвежонка от гибели и, конечно, увидит потрясающей красоты северное сияние, от которого невозможно отвести взгляд. Отправившись в путешествие вместе с Тришкой, вы полюбите Север раз и навсегда.

УДК 881.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-114637-5

© Самарский М. А., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Вместо пролога 5
Глава 1 7
Глава 2 11
Глава 3 17
Глава 4 21
Глава 5 23
Конец ознакомительного фрагмента. 30

радуга
для друга

Михаил Самарский
Тришка на Севере

Другу Алексею Комиссарову посвящаю

Вместо пролога

Как олень гордо несёт свою голову —
так же высоко держи своё имя.
Чукотская пословица

И снова я с вами, дорогие друзья. Ав-ав! Тот, кто с давних пор знаком со мной, знает, что это означает «здравствуйте». Рад вас приветствовать на страницах новой повести. Давненько мы с вами не виделись. Надеюсь, читатель отнесётся с пониманием к затянувшейся паузе, всё-таки я не писатель, да и степень моей занятости вам известна. Но как бы там ни было, настала пора поделиться рассказами о новых приключениях. Если вы читали мою последнюю книгу (впрочем, поскольку вы держите в руках эту, та уже превратилась в предпоследнюю) о службе в уголовном розыске[1], наверняка помните, как я совершенно случайно подслушал телефонный разговор своего подопечного, Елисеева Андрея Максимовича, с другом из Израиля. О чём они тогда говорили? Вспомнили? Всё верно, мы должны были полететь с ним в гости к его другу, на Землю обетованную. И я уже самонадеянно представлял, как, зажмурив глаза от яркого солнца, валяюсь на песке и грею рёбрышки, а тёплый ветерок ласкает мои уши и напевает весёлую песенку. Главное, там есть море, большое, синее, ласковое, моё вдохновение и мечта! Андрей Максимович рассказывал, что существуют дикие пляжи, где людей совсем нет. Купайся, ныряй, плавай хоть с утра до вечера. Вы же наверняка по-мните, как я люблю это дело! Я много раз рассказывал вам, где родились мои предки и что они были связаны с морем, а потому повторяться не стану, лучше прочитайте предыдущие истории.

Эх, мечты-мечты…

Но что-то пошло не так. Вы ведь наверняка сталкивались с такими непредвиденными обстоятельствами, когда планируешь одно, а выходит совершенно другое. В любом случае мы должны достойно принимать всякие недоразумения и внезапные перемены, без горького отчаяния. Жизнь – она такая: от неё можно ожидать чего угодно. Большая редкость, когда всё задуманное на сто процентов сбывается.

В связи с этим я часто вспоминаю своего самого первого подопечного, Ивана Савельевича. Если бы он сейчас меня услышал, точно сказал бы:

---

[1] Из повести «Как Трисон стал полицейским, или Правила добрых дел».

– Раскатал ты, Трисон, губы напрасно! – А потом по-дружески потрепал бы меня за ухо и, рассмеявшись, добавил: – Раскатать раскатал, а закатать забыл.

С нами такое случалось не раз. Бывало, идём в магазин за кормом для меня, по дороге разговариваем, Иван Савельевич обещает купить вкусную косточку или куриных шеек, приходим, а там шаром покати. Продавщица объявляет:

– На сегодня всё закончилось.

Вот в такие моменты губы закатывать и приходится. А как иначе? Остаётся только вернуться домой, к своему сухому корму. Придём, Савельевич насыпает мне полную миску и извиняется, словно это он все шейки из магазина повытаскивал.

– Прости, собака, – говорит, – ты же видел, люди всё съели. Спать нам с тобой нужно меньше. А то пошли уже под самое закрытие магазина. Прости, дорогой, завтра куплю тебя мясца. Сегодня обойдёмся без разносолов. Не обижайся. Хорошо?

«Да я-то всё понимаю, чего мне обижаться? Завтра так завтра, хотя… можно было и на трамвае до супермаркета проехаться. Он, кстати, работает круглосуточно, и поводырь у тебя есть, и “мясцо” там никогда не заканчивается. Но, видимо, сегодня кому-то лень туда пилить. Эх, Иван Савельевич, и хитёр же ты».

Но, честное слово, я никогда не обижался на старика. Да и чего я возвожу напраслину? Может, он и впрямь забыл про супермаркет. Привык к нашему магазинчику, здесь почти все из нашего и соседних домов отовариваются. Что ж Ивану Савельевичу теперь из-за меня тащиться три остановки туда, три – обратно? Подумаешь, мясоед нашёлся! Будто денёк без него продержаться не смогу! Закатывай губы обратно, Трисон!

Не подумайте ничего плохого, у меня всё отлично: я продолжаю работать у бывшего милиционера, Андрея Максимовича (хотя сами и милиционеры, и полицейские говорят, что бывших в их профессии не бывает), старик жив-здоров, крепок, любит пошутить, подначить и никогда не падает духом. Но вот с Землёй обетованной и Средиземным морем придётся повременить: уехал его друг в гости к своему сыну, который проживает где-то за океаном.

И тут на мою голову свалилась неожиданная новость: у Андрея Максимовича, оказывается, есть ещё один друг, который живёт… как вы думаете где? Нет-нет, Земля обетованная и рядом не стояла. Даже произносить страшно, но от судьбы не уйдёшь: на Чу-кот-ке. Это как раз тот случай, когда хотел понырять в море, погреть рёбрышки, а на деле чуть хвост не отморозил.

Анна Михайловна, супруга Андрея Максимовича, в связи с таким поворотом дел придумала шутку:

– Вот, Андрюша, слетаешь к своему товарищу, и можно будет новые конфеты выпускать.

– Что ещё за конфеты? – сразу не сообразил мой подопечный.

– Сейчас какие есть в магазине? – спросила Анна Михайловна и тут же сама ответила: – «Мишка на Севере». Верно? А теперь будут ещё одни: «Тришка на Севере».

– Точно! – рассмеялся Андрей Максимович.

«Ой-ой-ой! Острословы, тоже мне, нашлись. “Тришка на Севере”! Давайте ещё растрезвоньте на всю ивановскую…»

А так оно, между прочим, и получилось. Вечером родители рассказали сыну, а тот, разговаривая с кем-то по телефону, сразу объявил:

– У меня батя готовит операцию «Тришка на Севере». В смысле, на Чукотку к товарищу собрался.

Мне вот интересно, если бы меня не было, как бы вы эту свою «операцию» называли, фантазёры? Впрочем, делайте что хотите. Мой Иван Савельевич говорил: «Вы меня хоть горшком называйте, только в печь не сажайте». И ведь правильно! Ну что от безобидной шутки изменится в моей жизни или, допустим, в жизни Андрея Максимыча, Анны Михайловны? Да ничего! А юмор сохраняет здоровье и продлевает жизнь. Вот и хорошо, пусть юморят, смеются, а я как служил верой и правдой человеку, так и продолжаю делать это по сей день.

Глава 1

Одно меня удручало: Максимыч собрался ехать в гости на Чукотку в новогодние праздники. Вроде всегда слышал, что его принято отмечать с родными и непременно дома. А на Чукотку можно было полететь, например, ко Дню Победы. Что там ещё есть? В конце мая, кажется, День пограничника. Тоже хороший праздник. В июле – День Военно-Морского флота, в августе – День десантника, День железнодорожника, День строителя, День шахтёра. Вон сколько праздников вспомнить смог! Да это ещё не все! Есть День медицинского работника, даже День рыбака. Нет же, нужно было выбрать именно Новый год.

А обо мне подумали? Заказывайте тогда валенки, что ли! Отморожу там себе все лапы! И кому я потом буду нужен? Андрей Максимович, сам подумай, зачем тебе безлапый поводырь? Там, говорят, может и минус пятьдесят вдарить, и пурга у них там бывает. А вдруг снегом занесёт?

Ой, не нравится мне эта затея с вашим Севером. Ой как не нравится! Только не подумайте, что я испугался и решил отступить. Нет, что вы! Я не из тех собак, которые при виде трудностей сразу в кусты. Я буду стоять рядом со своим подопечным до конца, до последнего дыхания.

А с другой стороны, чего я паникую? Там же живут мои соплеменники. Сколько раз я видел по телевизору: снежные горы, сопки, там, всякие, люди в тулупах ходят, а рядом собаки. Значит, жить можно! Да и где наша не пропадала? Хватить скулить, что-то я совсем расклеился. Сам ещё в глаза этот Север не видел, а уже чуть ли не расплакался.

Собираться на Чукотку мы начали ещё в начале декабря. Я-то как думал: Максимыч трость возьмёт, на меня шлейку накинет, купит билет, и полетим. Да не тут-то было. Если бы старик видел, может, так всё и случилось. Но тут выяснилось, чтобы лететь с собакой, нужна предварительная подготовка, причём очень тщательная. Я сначала даже подумывал, вдруг ничего у нас не выйдет. Но Андрей Максимович, слава богу, не один живёт, да и родственники у него заботливые, настойчивые и целеустремлённые.

Давайте я расскажу вам, что значит лететь с собакой. Тут всё очень серьёзно. Правда, у каждой компании есть свои особенности, требования, но в целом они похожи.

Итак, что нужно сделать перед полётом? Сообщить авиакомпании о том, что вы собираетесь перевозить собаку. Кстати, не только собаку. Эти же правила распространяются и на котов. Тоже мне, нашли проблему – о коте предупреждать! Засунул его в сумку и вези. Хотя нет! А вдруг мяукать начнёт, у них же семь пятниц на неделе: то поесть, то погулять, то… а терпеть они не любят. Это мы, собаки… я имею в виду собак-поводырей, обучены и терпеть, и переносить всякие тяготы и невзгоды. А кот – животное легкомысленное, крикливое и очень капризное. Да и спесивости у них на весь самолёт хватит.

Много раз я уже говорил, но повторюсь: вы не подумайте, что я предвзято отношусь к котам. Никак нет! Но если вы имели дело с этими коварными миниатюрными тиграми, пумами, пантерами, рысями (да, это они о себе так возомнили), наверняка знаете, что они ведут себя с людьми словно патриции какие-то. Они считают себя вашими хозяевами. И я не шучу! Сам видел, как один кот зашёл утром на кухню и на своём языке сказал человеку: «Ну что ты, холоп, тут расселся, давай корми меня…» С одной стороны, он просто шутил. Но в каждой шутке есть и доля истины. Что самое интересное, кот мяукает, а человек-то не понимает, какие он ему гадости говорит, и, расплывшись в улыбке, лепечет: «Ой, ты мой маленький, кушать хочешь? Один момент, мой зайчик!» Бежит хозяин к холодильнику, достаёт или мяса, или кошачий корм, торопится, а этот наглец продолжает мяукать!

Однажды я не выдержал и сказал такому вот коту: «Зачем ты продолжаешь мяукать? Сам же видишь: человек всё понял и сейчас накормит тебя!»

Вы знаете, что ответил мне этот негодяй? Он попросил не мешать воспитывать своего кормильца. И если он не будет таким настойчивым, человек быстро обленится и станет кормить через раз. Вот это и есть их отношение к хозяевам. Попробуйте сказать коту: «Ко мне!» Ага, так он и прибежал. Он даже не взглянет в вашу сторону. А если и посмотрит, то с таким надменным видом, что вам и гладить его перехочется.

Нет, решительно не понимаю, почему люди так любят этих лентяев. В загородном доме хоть какая-то польза от них есть. А в городской квартире что? Ест, спит и, извините… целый день баклуши бьёт. Ой, кажется, я отвлёкся! С этими котами всегда так. Заговоришь о них – сразу и не остановишься.

Но продолжим. Значит, сообщили вы, что везёте собаку. И даже если компания даст согласие на перевозку вашего питомца, существуют ещё и ограничения по количеству, по размерам, весу. Иными словами, условностей хватает.

Андрей Максимович подробно рассказывал мне обо всём. Хорошо, что у меня память отличная. Но не обошлось и без казусов.

Как-то мой подопечный увлёкся и говорит мне:

– Ты знаешь, Трисон, авиакомпания не принимает к перевозке пресмыкающихся животных, членистоногих, грызунов и насекомых.

И, главное, так головой качает, словно расстроился.

«Что это с тобой, Андрей Максимович, – думаю, – ты случаем не перепутал меня с какой-нибудь змеёй или грызуном? Чего так расстроился? Неужели я на суслика похож или мышь полевую, а может, ты меня с гадюкой перепутал?»

Он и сам спустя несколько минут опомнился и добавил: «Хотя нас с тобой, собака, это не касается…»

«Ну слава богу, а то я уж подумал, меня в членистоногие записали!»

Дальше – больше. Максимычу настоятельно рекомендовали сходить к ветеринарному врачу и проконсультироваться с ним. Здесь я тоже не совсем понял, зачем это нужно. Я что, больной, или у меня каких-то прививок нет?

Затем Андрей Максимович чуть было не впал в отчаяние. Походил он по всем инстанциям, ему там такого наговорили, что голова пошла кругом. Ну сами посудите: чтобы собаку взяли на рейс (неважно, породистая она или дворняга), необходим сертификат. Да не просто сертификат, а выданный непременно компетентным государственным учреждением. Я сначала подумал, речь идёт про МВД или ФСБ, но оказалось, сертификат тот ветеринарный. Знаете, в чём подвох? Его нельзя взять заранее. Он действителен в течение пяти суток. А вы же знаете, какая суета начинается в последние дни перед дорогой? Тут можно и позабыть об этой бумажке.

Когда я услышал другие правила, у меня даже настроение испортилось. Оказалось, в салон самолёта можно взять собак, вес которых не более восьми килограммов. А если учесть, что это цифра вместе с клеткой, я сразу подумал: «Наверно, компания разрешает перевозить в салоне только карликовые породы собак». Судите сами, в инструкции написано, что собак в пассажирском салоне можно провозить только в специальном контейнере – просторном, имеющем вентиляционные отверстия и надёжное запорное устройство. Дно контейнера должно быть плотным, водонепроницаемым и покрытым абсорбирующим материалом.

Каков стиль! Не контейнер, а космический корабль. Пассажир словно не собаку везёт, а какого-то невероятно дикого вепря или инопланетянина с альфы Центавра. Кроме перечисленного, хозяевам нельзя открывать клетку и вынимать собаку. Им запрещено располагаться у запасных выходов. Владелец собаки должен иметь при себе специальную ветеринарную аптечку. Пока я слушал про меры безопасности, мне показалось, что авиакомпания делает всё для того, чтобы люди отказывались заводить собаку. Хорошо хоть специальный парашют не надо покупать. Но думаю (вот увидите!), со временем введут и его.

Есть и обидные формулировки. Оказывается, если вес животного вместе с клеткой превысил восемь килограммов, оно автоматически превращается в багаж. Да-да, такую собаку можно перевозить только в багажном отсеке. Но, как оказалось, и тут имеются свои ограничения. Вес вместе с клеткой не должен превышать пятидесяти килограммов, при этом сама клетка должна быть с однокомнатную квартиру. Понятно, что я утрирую, но вот требование: размер контейнера должен позволять животному вставать в полный рост и поворачиваться на триста шестьдесят градусов. Авиаперевозчики, конечно, заботятся о комфорте собаки, но вы можете представить клетку, допустим, для алабая? Хотя его вес и так не позволит воспользоваться воздушным транспортом.

Есть у меня такая знакомая собака. Впрочем, даже не собака, а целый бульдозер. Человек от одного его вида может в обморок упасть. Вы видели алабая? Это среднеазиатская овчарка. Невероятных размеров собака. Хотя это помогает им бороться с волками. Ведь в степи какого-нибудь домашнего тузика не заставишь овец охранять – он волку на один глоток.

В общем, бедные большие собаки. Во время сборов на Север я узнал, что на Чукотку не ходят ни поезда, ни автобусы. Можно, конечно, доехать до Хабаровска, а дальше… дальше, если не желаешь расставаться с собакой, видимо, придётся добираться на оленях. Ничего себе!

Вы не представляете, как я обрадовался, когда речь зашла о собаках-поводырях. Радости моей не было предела, ведь нам разрешено лететь в салоне без всяких там контейнеров и клеток. Вы поняли, что значит образование? Я всегда говорил вам: профессия поводыря – это почти как кандидат этих… юридических наук. Да!

Тем не менее и в нашу бочку мёда люди умудрились добавить ложку дёгтя. То, что пассажир-инвалид по зрению должен иметь при себе документ, подтверждающий свою слепоту, – это правильно. Тут я полностью согласен. Иначе каждый может притвориться Паниковским из романа Ильфа и Петрова «Золотой телёнок» и бесплатно катать свою собаку на воздушных лайнерах. Но тут вот какая закавыка: кроме этого незрячий пассажир должен предъявить документ, что его собака получила специальное образование, сдала государственный экзамен и является дипломированным поводырём. Это требование я считаю тоже правильным. А вот дальше и пошла пресловутая ложка дёгтя. На меня нужно надеть не просто шлейку, а ошейник, и привязать к креслу у ног моего подопечного, как обыкновенную дворнягу.

Послушайте, товарищи-господа из авиакомпаний, неужели вы не знаете, кто такой поводырь? Нас можно не привязывать, нужно просто сказать «лежать» и показать где. Всё! Этого вполне достаточно. И пока Андрей Максимович не прикажет встать, я ни на миллиметр не подвинусь. Понимаете? Привязывать поводыря в присутствии подопечного – это невероятное унижение. Всё равно что преподавателю, к примеру, филологии или философии выдать штыковую лопату и приказать копать яму от забора до обеда. Ну куда это годится? Стыдно, товарищи! Очень стыдно!

Но последнее требование и вовсе меня убило. Андрея Максимовича заставили натянуть на меня намордник. Боже мой, как же изгаляются люди, которые пишут подобные инструкции. Так мне ещё в лицо никто не плевал. Но что поделаешь: собаки доверяют людям целиком и полностью, но не каждый человек способен ответить взаимностью.

Иными словами, дорогие друзья, если вы решили лететь самолётом вместе со своей собакой, вам потребуются чрезвычайное терпение, выдержка, упорство и способность безукоризненно следовать букве закона.

Скажу вам, мы всё это вынесли, пережили достойно и вот наконец прилетели.

Я вышел на трап в аэропорту Ана́дырь, не совсем новогодний морозец ущипнул за нос. Андрей Максимович рядом тоже нос потирал. Посмотрел вдаль – всё вокруг белым-бело, за исключением сияющей серой взлётной полосы, вдалеке виднелись сопки. Растительности здесь практически никакой, сплошная тундра. Иными словами, просторы нескончаемые. Страна у нас, конечно, необъятная.

Неожиданно вспомнился анекдот, который знакомый Андрея Максимовича нашёл в интернете, – о том, что навигатор на Севере может попросить повернуть направо только через две тысячи километров – такие там дороги: только прямо и есть ход. Я потёрся о ногу подопечного и приготовился к спуску с трапа.

– Вам помочь? – услышал я сверху приятный голос стюардессы.

– Не волнуйтесь, – ответил Андрей Максимович, снимая с меня намордник, – у меня надёжный помощник.

Я поднял голову и заметил, с каким восхищением взглянула на меня стюардесса. Наверное, любительница собак. Я сделал первый шаг на ступеньку и, медленно, но гордо двинувшись вниз, подумал: «Теперь-то вы хоть поняли, сатрапы, кого десять часов продержали на привязи и в наморднике?»

Глава 2

Аэропорт Ана́дырь расположен на берегу бухты или, как её тут называют, Ана́дырского лима́на[2]. Странность в том, что сам город находится на одном берегу, а аэропорт – на другом. Иными словами, как в том коротком анекдоте: «Баня, через дорогу – раздевалка». Стоит сказать, аэропорт ещё называют Угольным. Почему, сейчас поясню.

Следуя нашей давней традиции, позволю себе небольшое отступление, чтобы не забыть. Уверен, такие географические подробности моим любознательным читателям понравятся. Тем более я всегда рассказываю кратко. Да и кроме всего прочего, книги о моих приключениях читают и на Чукотке. Возможно, жителям этого чудесного полуострова будет приятнее вдвойне почитать о своей родной земле. Но не подумайте, что у чукотского народа не было своих писателей. Позже я расскажу вам о таком замечательном человеке, как Юрий Рытхэ́у. Собираясь в дорогу, Андрей Максимович попросил супругу, и та читала именно его книги. Я, естественно, валялся рядом и теперь могу кое-что интересное вам поведать. Но сначала – о той местности, куда мы приземлились.

Анадырский лиман является частью Анадырского залива Берингова моря. В свою очередь, лиман делится на два других крупных залива – залив Онеме́н, куда впадают реки Ана́дырь и Великая, и Канчала́нский лиман, куда впадает река Канчала́н. В собственно Анадырский лиман впадают Третья речка и Автаткуу́ль. Не удивляйтесь таким диковинным и необычным названиям, но это как раз тот случай, когда из песни слов не выкинешь. Хотя, согласитесь, звучит очень красиво. Вот скажите, где вы во всей России встретите такое название – Автаткууль? Такое впечатление, что в нём объединилось с десяток других слов, на деле же оно означает «перегонная река». К сожалению, кого и что она гоняет или перегоняет, я так и не понял, зато у вас есть возможность самостоятельно это выяснить как с помощью художественной литературы, так и с помощью многочисленных справочников. Задача любой книги – стимулировать читателя на поиск и исследование всего нового, необычного, познавательного. И мои повествования не исключение.

А дальше – не менее экзотические названия. Вот я тут иронизировал над котами и вдруг обнаружил, что вышеназванный лиман отделён от Анадырского залива двумя косами – Русской Кошкой и Землёй Ге́ка. На обоих берегах находятся два населённых пункта: с одной стороны, как мы уже знаем, столица Чукотки – город Анадырь, а с другой – посёлок Угольные Ко́пи. Оказалось, друг Андрея Максимовича живёт именно там, на том же берегу, где находится и аэропорт. Теперь вы поняли, почему его называют ещё и Угольным.

Не запутались? Всё не так сложно.

Встречал нас в аэропорту Александр Борисович Макаров. Они с Андреем Максимовичем долго обнимались, хлопали друг друга по спине, затем он присел передо мной на корточки и, осторожно поглаживая, спросил:

– Ну что, собака, устала?

– У-у, – ответил я, что означало «нет», а в расширенном варианте – «а с чего мне уставать, если я десять часов на полу провалялся?»

– Это он говорит тебе: «Нет, не устал», – выступил в роли переводчика Андрей Максимович.

– А его хоть кормили в самолёте? – Приподнимаясь, Макаров кивнул в мою сторону.

– С трудом, – вздохнул мой подопечный.

– Что значит «с трудом»? – вздёрнул брови Александр Борисович. – Не хотел, что ли, есть?

---

[2] Лиман – залив при впадении реки в море.

«Ага, я не хотел, да я голодный, как… это… как человек! Но нужно отдать должное, стюардессы были добрые, грех их корить…»

Андрей Максимович рассмеялся и пояснил другу, что по инструкции я должен был лететь в наморднике.

– Да ты что! – замахал руками Макаров, словно собеседник мог увидеть его возмущённые жесты. – Вот изверги!

«Вот тут я согласен, но изверги не стюардессы, а тот, кто писал эти инструкции. Надеть бы на него намордник, да чтобы этот “инструктор” пролетел в нём часов десять, я бы тогда на него посмотрел…»

– Таковы правила. – Андрей Максимович развёл руками, чуть не задев тростью проходящую мимо пышную даму.

Та вовремя отшатнулась от него и, обогнув хозяина, недовольно пробормотала:

– Понапьются с утра и машут своими крыльями, словно боинги.

«Если бы я мог, точно рассмеялся бы. Почему именно боинги? Они же не гуси перелётные. Разве самолёты машут крыльями?»

– Ну вот, Андрюха, – взяв под руку товарища, сказал Александр Борисович, – мы ещё за стол не садились, а нас уже в пьяницы записали. Ты осторожнее, народ тут суровый, таких слов наговорят, что до самой Москвы не забудешь.

– Я думал, тут у вас просторы, – пошутил Андрей Максимович. – В Москве не помашешь руками, а оно, оказывается, и здесь нужно технику безопасности соблюдать.

– Так что значит «с трудом»? – повторил вопрос Александр Борисович.

– Стюардесса пару раз разрешила снять намордник и принесла нам… две котлеты.

– Добрая тётка попалась, – рассмеялся Макаров.

– Да какая там тётка, – возразил Максимыч. – По голосу девчушка совсем, от силы года двадцать два – двадцать три. По секрету шепнула мне на ухо, что обожает собак, а тем более лабрадоров. Но она, правда, их по-другому называет – лабриками.

«Подтверждаю! Так и сказала: “Обожаю лабриков”, – и я сразу её полюбил. А как тут не полюбить, если о тебе такие слова говорят? Верно?»

– Мир не без добрых людей, – одобрительно произнёс Александр Борисович. – Ладно, брат, пойдём, нас там водитель поджидает, попросил товарища подбросить.

– А твой «Москвич» где? – спросил мой подопечный.

– О! Вспомнил тоже, – хмыкнул Александр Борисович. – Рожки да ножки остались от моего «Моси». Больше ремонтом занимался, чем ездил. Почти сорок лет машине, шутка ли. Махнул рукой да подарил приятелю, вместе с ним когда-то в геологоразведке работали. Он на моём подарке как-то умудрился ещё три года отъездить. Правда, с горем пополам. Запчастей-то нет. В общем, отшоферился я, Андрюха. Да и куда тут ездить? По посёлку только. А тут теперь того посёлка – за полчаса весь обойдёшь и устать не успеешь.

– Ты же рассказывал, что Угольным Копям даже статус города хотели присвоить…

– Было дело, – закивал Александр Борисович, – да народ весь разъехался. Раньше Угли были по чукотским меркам крупным посёлком, здесь проживало чуть ли… точно не скажу, но примерно тысяч пятнадцать народу. В основном вояки да те, кто их обслуживал.

– А что потом случилось? – спросил Андрей Максимович.

– Что случилось? – хмыкнул Макаров. – Отгадай с трёх раз! Союз распался, военные ушли, их здания оказались никому не нужны…

– Так а сейчас вас тут сколько?

– Не знаю, примерно две-три тысячи человек, не больше. Повезло тебе, Андрюха, – тяжело вздохнул Александр Борисович, – что не видишь всей этой разрухи.

– Да уж. – Андрей Максимович откашлялся в кулак.

«Смешной ты, товарищ Макаров. Тоже мне, нашёл везунчика. И что изменилось бы, если бы увидел? Мало ли разрушенных домов и целых посёлков по стране. А жить без зрения разве лучше?»

– Прости, брат, – опомнился Александр Борисович. – Что-то я ляпнул, не подумав. Но ты же меня понял?

– Конечно, – махнув рукой, улыбнулся мой подопечный. – А что за войска тут стояли?

– Да кого тут только не было, – усмехнулся Макаров. – И лётчики, и связисты, и стройбатовцы, и погранцы. В начале восьмидесятых даже мотострелков привезли, типа береговой охраны, но потом и их отправили на материк. Даже сверхсекретные подразделения были! Прямо в сопках! Огромные помещения в скалах, где хранились ядерные боеголовки. На аэродроме круглосуточно дежурили истребители, здесь же располагались самолёты дальней авиации. Иными словами, военная мощь была такой, что американцы с большим опасением поглядывали на наш регион. Америка-то тут рядом.

– И куда это всё подевалось? – спросил Андрей Максимович.

– Бог его знает, Андрюха, что-то вывезли, что-то бросили. Сейчас у нас в посёлке остались несколько жилых домов, суд да церковь. А люди перебрались в Первомайский, там ещё что-то похоже на современную жизнь: ухоженные цветные домики, школа. А здесь как на Марсе. Зато мы отстояли наш памятник «МиГ-19», который поставили в 1977 году в честь авиаторов-первопроходцев и защитников неба Чукотки.

– Что значит «отстояли»? – удивился Максимыч. – Небось, на металлолом хотели порезать?

– Нет, – замотал головой Макаров, – музейщики хотели забрать к себе, в Энгельс. Там у них расположен Музей дальней авиации, вот они и хотели его там поставить, но жители взбунтовались, категорически запретили трогать самолёт. Это же наша достопримечательность! Правда, зрелище неестественное. Самолёт МиГ-19 посреди разрушенного посёлка смотрится прямо как какой-то сюрреализм.

Вскоре мы забрались в поджидавший нас уазик; в машине было так тепло и уютно, что меня сразу потянуло в сон.

– Знакомьтесь, ребята, – произнёс Александр Борисович и указал на водителя: – Это Фёдор. – А затем, похлопав Максимыча по плечу, сказал: – А это мой старый друг, Андрей.

– Очень приятно, – почти хором произнесли мужчины, и мы без всякого промедления отправились в путь.

Водитель подозрительно посмотрел на меня и спросил у Макарова:

– Саня, барбос-то спокойный?

«Ну вот! Не успел приехать на Чукотку, уже барбосом обозвали. То ли ещё будет…»

– Спокойно, Федя. – Александр Борисович потрепал меня за шею. – Это учёная собака, поводырь, так сказать. Она моего друга по Москве водит, а там народу сам знаешь сколько, и никого ещё не укусил.

– А-а-а! – протянул Фёдор. – Ну, тогда всё нормально. А то я тут недавно поехал со свояком на рыбалку, а у него этот, как его… лохматый такой… нью… ньюфаундленд. Еду за рулём, а он сзади на меня напал и хватанул за ухо.

«Вот, Федя, ты привираешь! Между прочим, это мой предок. Знаю я этих собак, они доброжелательны и к людям, и к другим животным, а будешь тонуть, так ещё и спасут из воды. С чего это он тебя хватанул за ухо?»

– Не может такого быть! – вместе со мной усомнился и Александр Борисович. – Ньюфаундленд – миролюбивая и спокойная собака.

– Да он, видимо, игрался со мной, а я же за рулём, вот и дёрнулся от испуга.

– Смею вас заверить, уважаемый Фёдор, – вступил в разговор Максимыч, – вас скорее укусит человек, чем собака-поводырь.

«Мои подопечные всегда меня защищают от нападок. Спасибо, друзья. Легко заподозрить и обвинить любого в неблаговидных поступках, когда вам не могут ответить».

Примерно час спустя Андрей Максимович с Александром Борисовичем сидели за обеденным столом и пили ароматный чай с морошковым вареньем. Здесь я впервые увидел трёхлитровую банку, заполненную красной икрой, – завораживающее зрелище! И не только увидел! Хозяин щедрой рукой наполнил кошачью миску деликатесом и подвинул её ко мне.

– Угощайся, дорогой, красной икоркой тебя угостят только здесь, на Чукотке. На материке никто так не расщедрится.

«Спасибо тебе, добрый человек, – мысленно поблагодарил я и проглотил небольшую порцию. – Вкусно, слов нет, но солоноватая ваша икорка и к зубам прилипает».

Супруга Александра Борисовича, Ольга Владимировна, напекла невероятно аппетитных пирогов, хотя, честно говоря, я сужу о них только по запаху да по тому, как Андрей Максимович к ним приложился. Их мне почему-то никто не предложил. Видимо, здесь думают, что собакам пироги противопоказаны, но зато меня ждало другое угощенье – мороженая корюшка. Сразу скажу, друзья, эта рыба – всем рыбам рыба. Неожиданно вспомнился ароматный карасик, которого поймал когда-то мой самый первый подопечный, Иван Савельевич. Но признаюсь честно: с чукотской корюшкой он не сравнится.

Ой, чувствую, сейчас кто-то упрекнёт меня и сделает замечание: мол, что же ты, собака, сразу свойства нашего подмосковного карасика принизил? Где же твой патриотизм?

Не пойму такой упрёк по двум причинам. Во-первых, на вкус и цвет товарищей нет. А во-вторых, и Анадырь, и Угольные Копи – это всё Россия, наша любимая страна. Так что и карасик, и корюшка – одного поля ягоды.

– Вчера наловил, Андрей, нарочно к твоему приезду, – сообщил Александр Борисович. – Попробуй, её не только твоему Трисону можно есть мороженой, мы на рыбалке всё время так едим. Чуть соли, хлеба – и прекрасный закусон, сам понимаешь.

Андрей Максимович аккуратно взял большим и указательным пальцами кусочек рыбы. Ольга Владимировна подвинула к другой его руке солонку и сказала:

– Вот, Андрюша, держи.

– Благодарствую, – улыбнулся Андрей Максимович и, слегка подсолив, отправил кусочек в рот. – Действительно очень вкусно. Никогда бы не подумал, что буду есть сырую… то есть мороженую рыбу!

– Но, конечно, не каждую так можно, – рассмеялся Александр Борисович.

– Слушайте, ребята! – вдруг воскликнул Максимыч. – Мне показалось, или ваша корюшка пахнет свежими огурцами?

Я принюхался и учуял этот аромат, который невозможно ни с чем спутать.

– Нет, не показалось, – ответил Макаров. – Когда соседи с рыбалки приходят и размораживают дома улов, запах огурцов стоит на весь подъезд.

– Удивительно! – восхитился Андрей Максимович. – Я слышал об этом, но полагал, что это образно говорится, ну, там чуть похоже. Словом, потрясающе!

– Погоди, Андрей Батькович. – Александр Борисович хлопнул друга по плечу. – Мы ещё с тобой сходим на рыбалку.

– Да какой из меня рыбак? – усмехнулся Андрей Максимович и махнул рукой. – Отрыбачил я, брат…

– Ну зачем же так безнадёжно? – возразил Макаров. – Корюшку можно ловить и будучи незрячим. Ничего сложного, я тебя научу.

– Если так, – улыбнулся Максимыч, – нужно попробовать. Представляешь, как мои домашние удивятся, когда я им расскажу, что ходил на рыбалку. Максимка обзавидуется…

– Любит порыбачить?

– Очень, – кивнул Андрей Максимович. – Он в детстве со мной ни одного похода на рыбалку не пропустил. А сейчас сам ездит с друзьями на Волгу, на Цимлу́ за лещами. Правда, выбираться ему удаётся редко, ты же знаешь нашу службу, но тем не менее находит время.

– Кстати, твой Трескон будет на рыбалке помогать тебе! – воскликнул Александр Борисович. – Там всё просто…

Господи боже мой! Я уж думал, больше никак нельзя моё имя исковеркать. Но нет предела совершенству! Трескон – это что-то совершенно новое и неожиданное. Неужели от слова «треснуть»? Но треснуть можно как кого-то, так и самому – напополам.

Иван Савельевич иногда, нащупывая меня после ужина возле порожней миски (я изредка просил добавки), говорил мне: «Хватит есть, Трисон, а то морда треснет». Я соглашался. Но чтобы вот так обозвать меня Тресконом? Это какую же фантазию нужно иметь?

Нет-нет, он же рыбак, тут наверняка совсем другое слово замешано. Конечно, он перепутал с рыбой! Есть такая рыба – треска. Что ж, видимо, судьба у меня такая – испробовать все созвучные клички на собственной шкуре. Хорошо хоть с хеком не перепутал или с какой-нибудь барабулькой.

– Ну какой же он тебе Трескон, Саня? – рассмеялся Максимыч. – Трисон его зовут. – И повторил с выражением: – Три-сон!

– Прости, запамятовал, – виновато произнёс Макаров, даже не взглянув в мою сторону.

Это ж надо так! Обозвал меня какой-то селёдкой пряного посола, а прощения просит у Андрея Максимовича. Хоть бы пирожочком вину загладил, что ли! Нет, икры – пожалуйста, а остальное – не для Трескона. Но вы же знаете, я не из обидчивых. Понимаю ведь, что всё это сказано не нарочно и без умысла. Да и шучу я, размышляя о треске и о пирогах.

– Эх, Саня-Саня, время-то как быстро пролетело, – произнёс мой подопечный. – Я смотрю, ты насовсем тут обосновался? Домой не тянет?

– Да как тебе сказать, – поцокал языком Макаров. – Мы сначала с Олей думали перебраться на материк и даже едва не уехали, уже и вещи собрали… Но потом передумали. Привыкли мы здесь, Андрей, никуда не хочется уезжать.

– У тебя как в той песне: «Если ты полюбишь Север, не разлюбишь никогда». Кто там пел? По-моему, этот, как его… Бюль-Бюль Оглы!

Александр Борисович громко рассмеялся и хлопнул его по плечу.

– Ну ты даёшь, Андрюха! Сам ты Бюль-Бюль Оглы! Бюль-Бюль из солнечного Баку, зачем ему Север?

– Забыл, как его… Напомни!

– Кола́ Бельды́! – поправил Макаров.

– Да, точно! – согласился Андрей Максимович и рассмеялся. – Его любимые темы – Север и олени. Он, наверное, из этих краёв?

– Нет, – замотал головой Александр Борисович, – я как-то передачу смотрел по телевизору о нём. Николаем его звали, родился на Амуре, нана́ец по национальности. Хорошо пел, мне все его песни нравятся.

– Да, в СССР он гремел. Ты знаешь, Александр, – Андрей Максимович неожиданно сменил тему, – а я вот перед отъездом к тебе увлёкся вашим писателем. В смысле, чукотским – Юрием Рытхэу. Аннушка мне вечерами читала его книги. Скажу тебе, они очень интересные. Вот так не собрался бы к тебе, может, и не прочитали бы ничего из его творчества…

– А что хоть читали? – полюбопытствовал Александр Борисович.

– Повести, романы, рассказы всякие. «Конец вечной мерзлоты», «Последний шаман», «Под созвездием печали».

– Он писал очень хорошие книги, – согласился Макаров. – Добрые, человечные.

– Андрюша, ты, если захочешь спать, не стесняйся, – заметив частые позёвывания гостя, сказала Ольга Владимировна. – Разница во времени большая, шутка ли – девять часов. Здесь нужно привыкнуть.

– А раньше разница была и вовсе в десять часов, – добавил Александр Борисович. – Вот у нас какая страна, всё время диву даюсь!

– Но тем не менее в гости вот ездим друг к другу, – пошутил Андрей Максимович.

– Только редко, – тяжело вздохнул Александр Борисович. – Увы, очень редко.

– Оля права. Чувствую, нужно немного поспать. Ольга, ты мне не давай долго разлёживаться, чтобы я не перепутал день с ночью, нужно же на ваше время переходить. А то так и будем дневалить: вы – по-чукотски, я – по-московски.

– И хорошо, круглосуточное дежурство, – пошутил Макаров.

– И собачка пусть тоже поспит! – сказала Ольга Владимировна. – Ей тоже нужно акклиматизироваться.

– Да ну что ты, Оля! – махнул рукой Андрей Максимович. – Ему-то зачем? У него как свободная минута выпадает, так он дремлет.

Нет, вы посмотрите на него! Заботливый какой! Дремлю… Ещё скажи, что я лентяй неисправимый. Хотя чего я возмущаюсь? Максимыч прав: я и впрямь стараюсь в свободное от работы время вздремнуть. И не раз уже объяснял, почему так поступаю: работа у меня сложная, я должен быть наготове в любой момент. Иногда бывает так: лежишь, балдеешь и вдруг: «Подъём!» – и полдня трудишься без отдыха, а с Максимом (сыном Андрея Максимовича) иногда ещё и ночь прихватываешь. Вы же, наверное, не забыли, как он меня в поисково-розыскную собаку превратил. Иными словами, тут не до графиков и режимов. А потому появилась свободная минута – падай и набирайся сил. И ничего плохого я в этом не вижу.

Глава 3

Ещё когда Александр Борисович накладывал мне в миску красной икры, я заподозрил, что тут обитает кто-то из семейства кошачьих. И, вы знаете, я не ошибся.

Знакомьтесь: кошка Чита. Не перепутайте имя с восточносибирским городом – ударение на первом слоге. Забегая вперёд, говорю: Чита на удивление добропорядочная и достойная, так что подружились мы с ней с первой минуты.

Оказывается, пока я лакомился икрой и корюшкой, хозяйская кошка гуляла на улице. Войдя в квартиру, она доброжелательно взглянула на меня и вежливо кивнула. Вы же знаете, с каким надменным видом коты-хозяева обычно встречают незнакомых гостей, да ещё собак? Тут же всё было очень тактично, любезно и приветливо.

И Ольга Владимировна отреагировала на её приход совершенно спокойно. То ли Максимыч предупредил, то ли она сама знает, что поводырей нарочно обучают невероятной терпимости к котам.

– Иди, Читушка, – пригласила её на кухню Ольга Владимировна, – познакомься с нашим гостем. Это лабрадор-поводырь, мирная собака, не бойся, он тебя не обидит.

Чита подошла ко мне вплотную, мы с ней слегка обнюхались (это, если по-человечески, поцеловались) и поприветствовали друг друга на одном только нам известном языке.

– Чита, – представилась кошка.

– Трисон, – ответил я.

– Ой, – промурчала Чита, – да я о тебе тут слушаю уже два месяца. – Она села напротив меня, сложив вместе лапы. – Только о тебе все разговоры, с тех пор как стало известно, что вы с хозяином приезжаете к нам.

– С подопечным, – поправил я.

– С кем? – удивилась Чита. – Это ещё кто такой?

– Мой Максимыч, – уточнил я. – Просто у нас, поводырей, не принято называть человека, с которым работаешь, хозяином. Он подопечный, поскольку я за ним слежу и помогаю ему комфортно передвигаться. Слово «хозяин» в такой ситуации звучит как-то не совсем правильно, можно даже сказать нелепо.

– Ясно, – замурлыкала Чита и сменила тему: – Как тебе наша Чукотка? Холодно?

– Ну, в общем-то, не просто свежо, – уклончиво ответил я. – Хотя и у нас в Москве тоже бывают такие морозы.

– Морозы – это ещё полбеды. Тут иногда такая пурга закрутит, что по три дня из дома не выйти. Даже оконные рамы на первом этаже заметает. Нам повезло жить на третьем, но ни в коем случае нельзя забывать затворять окна. У нас тут один сосед ушёл на работу и забыл форточку закрыть, а тут как назло пурга началась. Вернулся с дежурства через сутки, ругал себя на чём свет стоит. Целый день пятеро солдат помогали ему откапывать квартиру.

– Солдаты МЧС? – вспомнил я свою подругу, спасательницу Фукусиму.

– Нет, – фыркнула Чита. – Он служит в авиации командиром роты, вот и пригласил своих бойцов. Так ругался, проклинал дежурство, но разве оно виновато в том, что память дырявая? Здесь первый закон: уходя из дома, закрой все окна и форточки, иначе будешь рыть прямо в квартире снежные окопы.

И тут я заметил, что у Читы очень короткий хвост.

– А это… как случилось? – полюбопытствовал я. – Отморозила, что ли?

– Мороз тут ни при чём, твои соплеменники постарались, – грустно ответила она. – Здесь много бродячих собак, а деревьев нет. Не успела убежать, вот и отхватили. Болела долго, да что вспоминать, давно это случилось, я ещё маленькой была.

– Бедная ты. Ну, а как сейчас? Не обижают?

– Нет, своих не трогают, – тихо мяукнула Чита. – Я одному кобелю глаз царапнула, так больше никто не нападает. Живём в своём дворе дружно, а по чужим я не хожу, здесь все – и коты, и собаки, и люди – друг друга знают. Если начинается пурга, а хозяев дома нет, тебя соседи к себе пускают. Люди тут суровые, но дружные. Север всё-таки, здесь в одиночку не выживешь.

– Слушай, Чита, а ты медведя белого видела? – вдруг спросил я.

– Да где ж я его тут увижу? – муркнула кошка, по-своему усмехнувшись. – Они же по посёлку не ходят. Чтобы медведя найти, нужно в тундру ехать да поближе к воде. Хотя, говорят, к нам как-то забредала медведица с двумя медвежатами. Видимо, сильно прижало, раз они искали помощи и защиты у людей. И такое бывает.

Заметив, что подопечный мой перебрался в спальню, я предложил Чите перейти к нему поближе.

– Я должен быть всегда рядом, – пояснил я, и она согласилась.

В тот день мы ещё долго тихонько беседовали. Максимыч, видимо, сильно устал, аж захрапел, что с ним бывает довольно редко.

Спал мой подопечный недолго, максимум часа два. Проснулся и тут же спросил:

– Триха, ты здесь?

– Ав! – ответил я. Мол, а где ж мне быть?

– Молодец, мой собак, – сказал он и, протянув руку, погладил меня. – Умница. Ты знаешь, Трисон, я бы ещё минут шестьсот вздремнул, да боюсь, ночью буду по квартире блукать, разбужу всех жильцов.

– Ав! – согласился я.

– Значит, нужно вставать. Слушай, а пойдём по улице погуляем? – неожиданно предложил Андрей Максимович. – Заодно и проснусь, и освежимся. Справишься?

– Ав! – гордо ответил я.

Что значит «справишься»? Ну и спросил! Щенок я тебе, что ли, из школы собак-поводырей? Я, между прочим, в океане на чужом острове не пропал, хотя едва ли не в камере смертников побывал, меня там и ёжики морские кололи, и змеи кусали, и птицы-разбойницы нападали, мне даже попрошайничать пришлось! А тут всё-таки своя страна, родная. Конечно справлюсь, не пропадём, Максимыч!

– Вот и прекрасно! Пойдём чукотским воздухом подышим. Мы недолго, чтобы лапы не отморозил.

Чита, услышав нашу беседу с подопечным, замурлыкала:

– Чувствуется, человек тебя очень любит. Это хорошо.

– Мы всегда друг о друге заботимся, – подтвердил я.

– Повезло тебе. У меня хозяева тоже очень заботливые: и накормят, и согреют, и погладят. Хозяйка меня даже в кровать пускает. Я ей песни по ночам мурчу, она под них засыпает.

Ольга Владимировна сказала, что Александр Борисович ушёл по своим делам, и предложила дождаться его.

– Как же вы в незнакомом посёлке-то? – удивлённо спросила она.

– Не волнуйся, Оленька, – улыбнулся Максимыч, – посмотри на моего красавца, он проведёт меня сквозь огонь, воду и медные трубы.

Ну, это ты, Андрей Максимович, конечно, преувеличиваешь! Через огонь и воду ещё смогу, а вот с медными трубами ты погорячился. Не каждый с этим успешно справится. Человеку иногда не под силу, а уж собаке…

Первая прогулка не обошлась без происшествий. Впрочем, случай наш и происшествием нельзя назвать, но небольшая неприятность всё-таки случилась.

Когда мы вышли из подъезда, навстречу нам выбежала огромная овчарка, с разбегу прыгнула на меня и схватила за уши. Я, разумеется, увернулся и сказал ей:

– Мадам, что с вами? Вы разве не видите, я веду незрячего человека.

А она какая-то невменяемая: всё прыгает, хочет сбить с ног, рычит и лает, словно я сделал ей что-то плохое. Я не выдержал и тоже гавкнул, да так, что Андрей Максимович вздрогнул и остановился.

– Трисон, что случилось? – взволнованно спросил он.

А что я отвечу? Тут ни «ав», ни «у-у» не скажешь, и никого из людей рядом нет. Максимыч, смотрю, растерялся, потянул ко мне руку, чтобы погладить, и что-то зашептал.

«Ну ничего себе, – подумал я, – вот тебе и прогулка. Если у них все собаки такие безбашенные, то сильно тут не разгуляешься. Будешь ежедневно с ними биться, как гладиатор».

И тут овчарка меня огорошила:

– Извини, лабр, по-моему, я перепутала. Ты так похож на нашего Капальку из последнего подъезда. Испугался?

– Да я вообще-то не из пугливых, – ответил я взбалмошной собаке. – Но как-то неожиданно всё.

– Прости, пёс, – вздохнула овчарка. – Меня зовут Астра, тебя как?

– Трисон, – представился я.

– Ты откуда?

– Сегодня прилетел из Москвы!

– Ух ты! – Она покачала головой. – Так ты и вовсе не из наших мест? Ладно, без обид, пока, поводырь, ещё увидимся. Да, кстати, если местные собаки будут приставать, скажи, что Астра, то есть я, – твоя подруга. Хорошо?

– Договорились. – Я кивнул ей напоследок и мысленно добавил: «Тоже мне, подруга нашлась! Чуть старика моего заикой не сделала».

– Всё хорошо, Трисончик? – спросил Максимыч.

– Ав! – ответил я.

– Идём дальше?

– Ав! – повторил я.

Осмотревшись, я мысленно проложил маршрут, для начала несложный, чтобы было легко вернуться домой. Прошу прощения за подробности, сделал пару меток для ориентира – так будет надёжнее.

Что здесь больше всего удивило, так это количество снега, чистого, ослепительно белого, скрипучего. Дома стояли на сваях, и, чтобы попасть в подъезд, приходилось подниматься по высокой железобетонной лестнице. А снег лежал до подоконников на первом этаже. Интересно, он за чукотское лето успевает растаять или нет? Такое ощущение, что он останется здесь до следующего Нового года. Александр Борисович говорил, лето здесь длится месяц – полтора. Ну и как оно справится с таким количеством снега? Невероятно!

Минут через сорок мы вернулись домой.

– Ну, и как вам? – неожиданно рядом с нами раздался голос Александра Борисовича.

– Всё отлично, – живо отозвался мой подопечный. – А ты как тут оказался?

– Пришёл домой, Оля сказала, что вы пошли гулять, вышел на дорогу, постоял немного, вижу, вы идёте, ну и пошёл вам навстречу. На всякий случай.

– Ты не переживай, дружище, я за Трисоном как за каменной стеной, – сказал Андрей Максимович.

– Я даже представить не могу, как это – ходить по незнакомым улицам и ничего не видеть.

– Человек ко всему приспосабливается, Саня. Я тоже раньше представить не мог, а оно вон как: живу, ещё и в гости на край земли летаю.

– Пойдём, брат, ужинать. – Александр Борисович взял моего подопечного под руку. – Я кое-что нам вместо чая взял. Всё-таки гость у меня сегодня дорогой и желанный.

– Спасибо, Саша, – тихо сказал Андрей Максимович, и мы направились домой.

Если бы я запомнил все разговоры в тот вечер воспоминаний, мне хватило бы материала ещё на одну повесть. Друзья душевно беседовали до самой полуночи.

Всё было так хорошо и приятно.

Глава 4

Наверняка вам приходилось слышать выражение «рано радуешься». Мне, правда, в тот день о нём никто не напомнил, но, забегая вперёд, скажу немного иначе: «Зря ты, Трисон, рано радовался». И смех, и грех! Но обо всём по порядку.

На роду мне, что ли, написано во всякие передряги попадать? Или они ко мне, как к магниту, сами притягиваются?

Утро выдалось прекрасное – солнечное, морозное, яркое, серебристое. Александр Борисович объявил нам с Максимычем:

– Ну что, лежебоки, на рыбалку-то идём?

– Так сразу? – удивился мой подопечный. – Не успел приехать, и…

– А чего тянуть? – рассмеялся хозяин. – Снасти есть, погода отличная, желание тоже есть, так зачем же откладывать? Самое время отправиться на лиман за корюшкой. Идём?

– Я за! – бодро ответил Андрей Максимович и обратился ко мне: – А ты, Триха, как?

Странный ты, Андрей Максимович, что за во-просы? Куда ты, туда и я. Разве я могу не пойти? Во-первых, как это будет выглядеть? Отказаться – значит опозориться на всю Чукотку. Представляешь, что будет, когда народ узнает? Наверняка скажут: «Вот это псевдоповодырь к нам приехал! Подопечный на рыбалку собрался, а помощничек испугался, дома остался». А во-вторых, если бы мне такая мысль и взбрела в голову, я бы тут, дорогой мой человек, без тебя со скуки в плачущую Ярославну превратился.

– Ав! – бодро ответил я. Умел бы говорить, добавил: «Не задавай мне, Андрей Максимович, провокационные вопросы».

– Саня, мы готовы! – заявил мой подопечный и, вдруг что-то вспомнив, спросил: – Слушай, а наживка есть? На что она клюёт, эта твоя корюшка?

– На всё яркое! – рассмеялся Александр Борисович. – Мы ловим её на поролон.

– Хорошая шутка. – Андрей Максимович нахмурился. – А если серьёзно?

– Вижу, не веришь! – Александр Борисович похлопал его по плечу. – Но это правда. Никакой живности, никаких продуктов. Удочка короткая, на конце – пружинка, через неё продета леска, на леске – несколько крючков с цветными поролоновыми комочками. Опускаешь в лунку и ждёшь, когда пружинка задёргается, и всё – тяни наверх, да порезче, и снимай рыбу с крючков. Если косяк большой идёт, иногда случается, что рыба на крючки даже брюхом налетает.

– Любопытно-любопытно. – покачал головой Андрей Максимович, потирая руки. – Трисон, будешь мне помогать, следить за пружинкой.

Хорошее предложение! Мне нравится. Главное, не замёрзнуть бы.

Сказано – сделано, и после плотного завтрака мы выдвинулись к Анадырскому лиману. Шли относительно недолго. Вы думаете, мы одни такие мудрые? Кто в такую погоду будет сидеть дома? Не найдёте таких. Рыбаков тут видимо-невидимо, что песка морского. Все с бурами, с рюкзаками, в шапках, унтах, валенках и тулупах.

Александр Борисович оказался очень заботливым человеком. Как только закончил все приготовления, пробурил лунки себе и Андрею Максимовичу, поставил деревянные ящики, предусмотрительно взятые с собой из сарая, размотал удочки. Одну он вручил моему подопечному и объяснил, как нужно действовать, а другую взял себе. Прежде чем приступить к рыбной ловле, Александр Борисович вынул из рюкзака небольшого размера оленью шкуру и бросил на лёд мехом вверх рядом с Андреем Максимовичем. Я сразу и не сообразил, для кого это.

– А это тебе, Трисон, – пояснил он. – Хоть сиди, хоть лежи, чтобы не отморозил себе ничего. Понял?

«Вот за это спасибо, добрый человек. Даже не ожидал. Это ж надо – такая забота. Как приятно осознавать, что о тебе не забыли. А ведь и впрямь можно травмироваться. Люди-то обуты в унты – это такие меховые изнутри и снаружи сапоги, надёжная защита, – а у нас лапы голые. Ну-ка, походи целый день по льду, всяко может случиться».

Хотя на той рыбалке я видел своих соплеменников без всяких ковров, шкур и приспособлений. Свернулись калачиком на льду и ждут своих хозяев. Не знаю, то ли хозяева у них такие жестокосердные, то ли местные собаки не боятся льда и мороза (и такое может быть).

Говорят, новичкам всегда везёт. Не успел Андрей Максимович опустить леску в лунку, как пружинка задёргалась и опустила «носик» вниз. Я даже не успел подать сигнал, как мой подопечный сам пальцами почувствовал это. Через несколько секунд на льду прыгало штук пять рыбёшек.

– Ну, с почином, друг. – Александр Борисович похлопал по плечу Максимыча. – С первым уловом. Давай помогу.

Он ловкими движениями снял рыбу с крючков и тут же кинул одну мне.

– Полакомься, дружок, – предложил он. – Свежачок.

Я не стал кочевряжиться, смолотил деликатес и виновато потёрся о ногу своего подопечного.

– Вкусно, Триша? – погладив меня за ухом, спросил Андрей Максимович.

– Ав! – тихо ответил я.

– Ну, дело пошло! – Он вновь опустил леску в лунку и добавил: – С богом!

Так всё хорошо начиналось. Но, как я уже предупредил, без происшествий и тут не обошлось. А виной всему человеческая невнимательность и расхлябанность. Снимать рыбу с крючков Александр Борисович помог ещё пару раз, затем это дело освоил я. И так ловко у меня получалось, что он нарадоваться не мог. Недалеко от нас сидела пара – да-да, настоящая семейная пара, муж и жена. Сначала они вели себя пристойно, тихо, подшучивали друг над другом, всё косились в мою сторону, удивлялись ловкости. Через час разговоры их стали громче, шутки – неприличнее, мужчина шатался. Он несколько раз проходил мимо нас, нахваливая меня, Максимыч молча кивал.

Поначалу всё было хорошо, но через два часа мужчина не только шатался, но уже и спотыкался. Когда рыба клюнула в очередной раз, я бросился за свою работу, и в этот момент сосед решил прогуляться. Когда очередной улов оказался у меня в зубах, этот, скажем так, невнимательный рыбак споткнулся о леску, натянутую между мной и удочкой Андрея Максимовича, и я почувствовал, как крючок пронзил мою губу…

Одно дело снимать с крючка корюшку, а другое – самого себя. Я взвыл от боли, а шатающийся рыбак пошёл дальше. Максимыч испугался больше, чем я, и стал звать на помощь Александра Борисовича. Вы знаете устройство рыболовецкого крючка? Это же самый настоящий гарпун, на который китов ловят. Ну, допустим, в нашем случае он довольно небольшой, но даже так вытаскивать его из губы – занятие не из приятных. Даже сейчас вспоминаю и чувствую во рту солоноватый привкус крови.

Макаров добавил мне испытаний, обработав место прокола на моей губе жидкостью из термоса. Скажу вам, там был далеко не чай. Как вы думаете, кого я вспомнил в тот момент, когда очутился на крючке? Вы «Поднятую целину» Михаила Шолохова читали? Я как-то слушал радиопостановку. Так вот, там был очень колоритный и весёлый персонаж – дед Щукарь. За что он получил такое прозвище, помните? Тоже попался на крючок. Разница между нами была лишь в том, что он крал с крючков рыбу, а я честно выполнял свою работу.

Запомнился мне тот день на всю жизнь, особенно рыбак-шатун.

Глава 5

Вечером заботливые люди обработали мою губу зелёнкой, а под неё сунули вату с какой-то вонючей мазью. Терпел я недолго, и, когда меня оставили в покое и удалились по своим делам, я аккуратно вытащил тампон лапой и бросил его под диван. Вы же знаете, у нас слюна лечебная. Зачем эти примочки? Через некоторое время я уже и забыл о тех экзекуциях, которые пришлось вынести. Проходя мимо зеркала в прихожей, я случайно взглянул на своё отражение и чуть не упал в обморок: вся пасть была зелёного цвета, я смахивал на поводыря-инопланетянина.

Пока хозяева возились с рыбой – солили, жарили, мариновали, – мы с Читой развалились на полу в гостиной перед телевизором. Нам повезло: как раз в это время шёл репортаж, что называется, в тему. Журналист рассказывал историю о том, как собаки с полярной станции спасли маленького медвежонка-сироту. Его чуть не съел голодный взрослый медведь. Оказывается, среди животных часто появляются каннибалы. Обезумевшие от голода, они не брезгуют себе подобным. Единственный зверь, который ни при каких обстоятельствах не пойдёт на такое – это волк. Во всяком случае, учёные до сей поры не замечали у них такой особенности в поведении.

Случай, о котором говорилось в передаче, произошёл на полярной станции Малые Кармаку́лы, что на арктическом архипелаге Новая Земля. Добрые и отзывчивые метеорологи взяли под опеку двух белых медвежат, оставшихся без матери. Оказывается, малыши, которым на вид было около полугода, сами пришли к людям. Сотрудники станции дали им имена Умка и Элька. Учёные подкармливали медвежат, а собаки относились к ним очень дружелюбно, что, со слов метеорологов, случается крайне редко. Наверное, здесь сыграл роль возраст мишек. К сожалению, одного из них не удалось сохранить и защитить, он погиб: позже, когда медвежат выпустили на волю, его всё-таки растерзал взрослый медведь. Второго малыша постигла бы та же участь, но отважные собаки бросились на помощь и отогнали хищника.

Наглый взрослый зверь и после этого случая неоднократно пытался выкрасть детёныша. Но бдительные четвероногие охранники не позволили ему учинить произвол. Возможности выжить в дикой природе у малыша без мамы, конечно, не было. Потому полярники решили пристроить его в зоопарк. Новым домом для мишки стал «Сафари-парк» в Геленджике.

Вот что значит голод! А ведь малыши могли быть детьми этого медведоеда. Не скрою, меня распирало от гордости за соплеменников: между прочим, они рисковали жизнью. А сколько происходит трагичных случаев, когда собаки встречаются с бурыми медведями. Удар у медведя настолько сильный, что шанса выжить после него нет. Не успел увернуться – всё, считай, погиб.

А тут белый медведь, который в два – три раза больше и мощнее бурого, его вес может достигать тонны. Это один из самых опасных и крупных хищников на нашей планете. Но собаки-полярники не струсили. После просмотра передачи стало как-то светлее и радостнее на душе от того, что мои соплеменники не только людей спасают, но и других животных.

То, что случилось дальше, невозможно описать словами. Я думал, медведей можно увидеть только по телевизору. Вы не поверите, но мне довелось повстречаться с ними вживую!

Через несколько дней моя губа полностью зажила, а от зелёнки не осталось и следа, потому как я её постепенно слизал. Однажды, вернувшись вечером домой, Александр Борисович предложил съездить в посёлок, в гости к чукчам.

– Мой приятель едет на вездеходе в тундру, – сказал Макаров. – Узнал, что ты гостишь у меня, пригласил нас. Смотаемся?

– Ну, если это будет не в тягость, – неуверенно ответил Максимыч.

– Да ты что, дружище? – Александр Борисович обнял его. – Какая тягость? Поехали, это очень интересно! Я с ними давно знаком, потрясающие ребята.

– Я же всё равно там ничего не увижу, – вздохнул Андрей Максимович.

– Зато услышишь, – парировал Макаров. – Да и запах там божественный. Пахнет настоящим севером. Ты знаешь, как у нас тут говорят: если ты не побывал на Русском Севере, значит, ты не знаешь Россию.

– Уговорил! Далеко туда ехать?

– Вообще-то прилично. Выезжаем рано утром, к вечеру доберёмся. Побудем там два – три дня – и назад. У моего друга там свои дела. Он у чукчей покупает клыки моржовые, шкуры песца и оленьи рога.

– Песец-то понятно, – задумчиво произнёс Максимович. – А вот рога, клыки – это ему зачем?

– Они из них потрясающие сувениры делают и отправляют на материк. Ты знаешь, какие картины вырезают на моржовых клыках? Залюбуешься. А рога обрабатывают, затем крепят на подставку, получается очень красиво. Они тут научились делать не только рога, но и головы оленьи, и шкуры целиком. Слышал, что такое таксидермия?

– Слышал! – кивнул Андрей Максимович. – Эти… чучела?

– Ну да! – подтвердил Макаров. – Ребята – мастера на все руки. Даже местные удивляются их умению. Прошлой зимой чукча восхищался находчивостью русских умельцев. Он тоже делает оленьи головы, глаза изготавливает из чёрного камня, внутрь шеи набивает газеты, иными словами, своя технология. А тут приехал к нам в гости, зашёл в мастерскую моего товарища, Юрки, и ахнул: сидит там Юркин сотрудник, заполняет оленью шею монтажной пеной и крепит к подставке. Ты бы видел его глаза: он же смотрел, как индеец на зажигалку в восемнадцатом веке.

– Наверное, не зря столько анекдотов ходит про чукчей, – рассмеялся Максимыч.

– А ты знаешь, Андрей, все эти анекдоты – полная чушь. Они, кстати, не обижаются на них и сами частенько посмеиваются, у них развито здоровое чувство самоиронии. На самом деле это не простой народ. Если интересно, расскажу.

– Конечно, интересно! – Андрей Максимович хлопнул в ладоши. – Зря, что ли, я на Чукотку прилетел? Рассказывай всё, я потом буду своих удивлять дома. Мы же ни черта не знаем о Русском Севере и его жителях. Разве это дело – знать о своих соотечественниках только по глупым анекдотам?

– Пока живёшь у меня, много нового откроешь, – заверил гостя Александр Борисович. – Ты, наверное, удивишься, но у чукчей потрясающая военная история. Можно сказать вполне серьёзно: они самые настоящие арктические самураи. Чукчи так себя поставили в северных районах, что все остальные народы боялись их как огня. А если верить учёным-археологам и древним легендам, они заселяли Чукотку далеко не мирным путём. В отличие от других аборигенов Сибири, они были отчаянно воинственными, даже русские войска не трогали их. Это уже потом советская власть устроила здесь массовые чистки и разрушила их традиционную культуру.

– Что поделаешь, – ухмыльнулся мой подопечный и развёл руками. – Цивилизация и сюда рано или поздно должна была прийти.

– Так-то оно так, – согласился Александр Борисович, – но если бы сохранилась первозданность, самобытность, представляешь, какая это была бы экзотика? Хотя, несмотря на влияние этой самой цивилизации, всё же во многих местах сохранился традиционный уклад. Суровый климат, естественные трудности, лишения, тяготы делают этих людей невероятно щедрыми и гостеприимными. Вот приедем, увидишь сам…

Максимыч пропустил мимо ушей выражение «увидишь сам». Макаров общался с ним таким образом, словно у него и не было никакого недуга. Мне показалось, Александр Бори-

сович делал это нарочно. Видимо, отчётливо понимал, что в данном случае все эти сюсюканья, сожаления, оханьяханья только лишний раз огорчат и расстроят слепого человека. И правильно: лишние причитания ведь ничего не изменят.

Много раз я слышал споры среди людей на эту тему. Некоторые считают, инвалидов нужно непременно жалеть, волей-неволей постоянно напоминая об их особенностях. Знаете, однажды в парке я слышал спор двух приятелей о том, как правильно говорить – «слепой» или «незрячий». И первый доказывал, что слово «слепой» звучит оскорбительно и бестактно, а другой возражал и утверждал: слово «незрячий» звучит уж слишком по-ханжески; складывается впечатление, будто человек просто стесняется слова «слепой». Андрей Максимович, с которым мы тогда гуляли, в конце концов, видимо, не выдержав, вмешался.

– Молодые люди, – обратился он к ним, – вы меня извините, я слышал ваш спор, вот такой я «ухастый». Позвольте высказать своё мнение?

– Да-да, конечно! – закивали спорщики. – Вы извините, что мы этот разговор затеяли, просто…

– Да не извиняйтесь, – рассмеялся Андрей Максимович. – Не вы первые, не вы последние, кто на эту тему дискутирует. Здоровые люди часто такое обсуждают.

– Очень интересно, – воскликнул один из приятелей. – Вот и скажите: что вы об этом думаете?

– Некоторые почему-то считают слово «слепой» некорректным и даже едва ли не обидным. Но обижаться на слова – это комплексы. Быть слепым не стыдно, так чего же тогда стыдиться слова? Понимаете?

– Ну, в общем-то, стыдиться нечего, – согласился сторонник слова «незрячий». – Но ведь…

– Никаких «но», – не дал договорить Андрей Максимович. – Вот я вам сейчас обосную, почему правильно говорить «слепой», а не придумывать, каким недоразумением его можно заменить. Вы слышали, как называется наша организация? Всероссийское общество слепых! Верно? И как звучит аббревиатура? ВОС! А теперь давайте переименуем нас в незрячих, и что получится? Организация ВОН. Вот к чему приводят необдуманные реформы. Это как в годы перестройки всё думали, чем бы заменить пионерскую организацию. Дело в том, что с середины восьмидесятых не все хотели быть пионерами. Иными словами, один деятель придумал назвать новую организацию Союзом пионеров и детей. И это чуть было не утвердил на законодательном уровне, да нашлись сообразительные депутаты и подняли вопрос об аббревиатуре. И вот когда буковки сложили, получилось неприглядное слово СПИД. Правильно на Руси всегда говорили: «Поспешишь – людей насмешишь».

– И ещё есть одна мудрость, – воскликнул один из спорщиков. – «Семь раз отмерь, один раз отрежь».

– Да-да, тоже верно! – согласился Максимыч. – Так что, ребята, не ломайте голову: слепой человек никогда не обидится, а спорят обычно те, кто никакого отношения к этому недугу не имеет.

Так что, если вы услышите подобный разговор, вспомните слова моего подопечного.

На следующий день, рано утром, мы все вместе вышли из подъезда, где нас уже ожидал вездеход приятеля Макарова. Александр Борисович помог моему подопечному забраться в салон. Потом, обратившись ко мне, скомандовал.

– Запрыгивай, Триха.

Чувствую, пока гостим на Чукотке, придётся мне ходить в Трихах. До чего же вы любите интерпретировать имена не только свои, но и наши. Бог с вами, люди, я уже давно перестал удивляться вашей безудержной фантазии. Триха так Триха.

Оказавшись внутри чудо-техники, я прямо обомлел: это не транспорт, а какой-то дом на колёсах. Все стены внутри вездехода украшали ковры, салон отделялся от кабины кроватью,

возле которой находился маленький обеденный столик. Да здесь запросто можно жить! Кабина была настолько широкая, что мы легко все уместились на одном сиденье.

Выехав из посёлка, мы оказались посреди бескрайнего поля, вдалеке виднелись сопки. На огромных белоснежных просторах в лучах утреннего солнца снег искрился своей белизной. На горизонте я заметил маленькие чёрные точки. Как оказалось, это были олени. Вы же помните, я ещё тот любитель посмотреть телевизор. Однажды в передаче о путешествиях я видел пустыню. Так вот арктическая тундра зимой напоминала именно её, только вместо песка и верблюдов здесь снег и олени. И кругом белым-бело.

Скажу вам, езда на вездеходе по снежному бездорожью тундры – нешуточное дело. Я пытался дремать, лёжа на сиденье между моим подопечным и Александром Борисовичем. Каждый раз, когда наш транспорт подпрыгивал на ухабах, мои зубы громко клацали, а глаза, казалось, готовы были выскочить из орбит. Мотор ревел, вездеход трясло и таскало из стороны в сторону. Не знаю, как долго мы так ехали, но, когда Александр Борисович предложил сделать остановку, я несказанно обрадовался.

– Ребята, предлагаю устроить привал. Перекусим немного, да и ноги нужно подразмять, а то засиделись.

– Иди, Триха, побегай по снежку, – предложил Андрей Максимович, снимая с меня шлейку.

С каким же удовольствием я вырвался на свободу из дома на гусеницах. Я вихрем носился по белоснежному полю, валялся в пушистом снегу, словно на мягком матрасе.

Люди пили чай возле вездехода, а я так увлёкся разминкой лап, что не заметил, как оказался на одной из сопок. Стоя на самой вершине, я всматривался в окрестности, высеченные солнечным светом.

Неожиданно моё ухо само по себе приподнялось, уловив непонятный звук. Это было какое-то странное сочетание звериного рычания и поскуливания, больше похожего на плач. Я побежал на противоположный склон, откуда доносился шум. Приблизившись, я увидел страшную картину, от которой лапы превратились в желе: большая белая медведица, словно обезумевшая, металась вокруг медвежонка. Увидев меня, она свирепо зарычала, отчего шерсть встала дыбом.

– Помоги мне, спаси моего малыша, – отчаянно заревела она.

Вы же знаете, я не трус. Но, увидев перед собой дикого зверя, честно признаюсь, испугался не на шутку. На трясущихся лапах, едва дыша, я подошёл ближе. Малыш так жалобно скулил, что моё собачье сердце невольно сжалось от боли. Я заметил, как на его передней левой лапе хищно поблёскивал зубьями медвежий капкан.

– Ты это… – начал я, с ужасом глядя на медведицу, но так и не успел договорить.

– Да не трону я тебя, только помоги мне вытащить моего сыночка, – перебила она меня.

Я с сочувствием посмотрел на медвежонка: на его мордочке вдруг отразилась просьба о помощи. Он с трудом приподнимал лапу вместе с железной ловушкой, будто надеялся таким образом от неё избавиться. Медвежонок плакал, как человеческий ребёнок, глядя то на мать, то на меня. В тот момент я понял: без помощи здесь не обойтись.

– Нужно позвать людей, – сообщил я ей.

– Где их взять? Вокруг ни души. – Она встала на задние лапы во весь рост и осмотрелась. От одного её вида я весь сжался от страха, представив, что будет, если эта зверина ударит меня лапой: моя голова отлетит и покатится по снежным просторам тундры, как колобок.

– Я здесь не один, сейчас приведу подмогу! Только ты пообещай, что не тронешь никого, – попросил я.

– Если они не причинят вреда моему детёнышу, не трону. Но если пойму, что они хотят похитить его, порву всех, – зарычала она.

– Мои люди хорошие, они не тронут твоего сына, гарантирую. Я сейчас вернусь! – крикнул я и со всех лап пустился к месту нашего привала, а когда добрался, громко залаял, привлекая внимание моих спутников.

– Триха, ты куда подевался? – в недоумении спросил мой подопечный, когда я приблизился к ним. – Мы тебя заждались.

– Ав-ав, ав-ав! – надрывался я что есть сил, то и дело оборачиваясь в сторону сопки.

– Пёс, ты чего разошёлся? Что ты там увидел? – поинтересовался Александр Борисович.

Я снова отошёл от людей на несколько шагов в ту сторону, откуда только что прибежал, обернулся, продолжая отчаянно гавкать:

– Ав-ав, ав-ав!

– Он что-то хочет нам показать, – наконец догадался Макаров.

«Слава богу, хоть один из вас оказался сообразительным!» – мысленно произнёс я.

– Юра, ты забирай Андрея с собой и давай за нами, а мы с Трихой пойдём посмотрим, что так привлекло его внимание. – Александр Борисович помог товарищу забраться внутрь вездехода, а сам направился следом за мной.

Я бежал впереди, продолжая лаять и постоянно оборачиваясь на Макарова, следовавшего за мной.

– Да бегу, бегу, – успокоил он меня. – Прости, дружище, я не могу так быстро, как ты, я же всё-таки человек.

Через несколько минут мы добрались до вершины сопки.

– Триха, погоди, дай пару минут дыхание перевести, – произнёс Александр Борисович и, наклонившись вперёд, упёрся руками в колени.

Я терпеливо ждал, когда он отдохнёт. Вездеход следом за нами вскарабкался на сопку и остановился рядом с Александром Борисовичем.

– Что там, Саня? – выкрикнул Юрий.

– Пока не знаю, я так понял, мы ещё не добрались до места, – ответил тот и вдруг резко замолчал. Он приложил указательный палец к губам, призывая всех вести себя тише.

С противоположного склона сопки донеслось звериное рычание, следом за ним мы расслышали жалобное поскуливание.

– Александр, что там? – поинтересовался мой подопечный в приоткрытое окно вездехода.

– Судя по звукам, там медведи, – предположил он и обратился ко мне: – Триха, веди нас, мы за тобой.

Александр Борисович забрался в вездеход, и я со всех лап бросился вперёд.

Добравшись до места, я остановился. Услышал, как сзади меня затормозила техника. Увидев перед собой медведицу и медвежонка, люди наконец поняли причину моего беспокойства.

– Вон оно что! – воскликнул Макаров. – Малыш в капкан угодил, а мать не знает, как ему помочь.

– Саня, что будем делать? – спросил Юрий.

– Надо как-то освободить детёныша, – задумчиво произнёс Александр Борисович. – Из кабины никому не выходить. А я пойду попробую снять капкан.

– Александр, это очень опасно, – заметил мой подопечный.

– Понимаю, а что делать? Мы же не можем бросить медвежонка в беде.

Макаров открыл дверь и спрыгнул с подножки вездехода в снег.

– Триха, ты иди мать отвлекай, а я попробую помочь нашему пленнику.

«Да её и не надо отвлекать, она ждёт вашей помощи», – мысленно ответил я.

Напуганный взгляд медведицы метался из стороны в сторону, она умоляла людей освободить детёныша. Я приблизился к ней и уверенно произнёс:

– Всё будет хорошо, ты не переживай. Мои люди пришли тебе помочь. Но они тебя боятся, ты отойди чуть подальше.

– Они точно его не обидят? – усомнилась она.

– Точно, – воскликнул я. – Будь уверена, твоего сына никто не тронет.

Доверившись мне, медведица убежала подальше, и встала на четыре лапы, и наблюдала за спасательной операцией. Она словно держала нас под прицелом – ни на секунду не отводила глаз.

С такой же опаской поглядывая на медведицу, Александр Борисович медленно приблизился к детёнышу. Малыш был настолько обессиленным, что, не проявляя ни малейшей агрессии, полностью доверился человеку. Макаров с огромным усилием отжал дужку капкана. Оказавшись на свободе, мишка не сразу поверил в своё спасение. Он продолжал оторопело сидеть возле железной ловушки, потом тряхнул лапой, и наконец до него дошло: он больше не узник.

Медвежонок резко развернулся и смешно затрусил в сторону матери, которая с благодарностью смотрела на нас. Малыш прижался к огромной лапе медведицы и стал с любопытством разглядывать своих спасителей. Александр Борисович вернулся в вездеход, а я задержался ненадолго: когда ещё появится возможность пообщаться с самым большим и опасным арктическим хищником?

– Спасибо тебе, собака, – поблагодарила медведица. – Раз с человеком живёшь, значит, у тебя есть имя. Тебя как зовут?

– Трисон, – гордо ответил я. – А тебя как?

– У белых медведей, живущих в дикой природе, нет имён, – поделилась она. – Они нам не нужны. Мы находим друг друга не по кличкам, а по запаху. Это человек любит давать всем имена.

– Это точно, – согласился я, вспомнив, сколько раз мои подопечные меняли мне клички.

– Не представляю, что бы я делала, не окажись ты рядом, – вздохнула медведица. – А ты куда путь держишь?

– Еду в гости к чукчам со своим подопечным, – сообщил я.

– Это ещё кто такой? – Она изумлённо посмотрела на меня.

– Я собака-поводырь, – пояснил я. – Помогаю слепому человеку передвигаться.

– А-а-а, – протяжно произнесла она. – Среди медведей тоже встречаются слепые. Кто-то от рождения, а кто-то от старости. Хороший ты пёс, Трисон. И люди у тебя хорошие. Спасибо тебе. Если бы не ты, погиб бы мой сынок.

– Трисон, – раздался голос Александра Борисовича, – ты чего там застыл? Давай в кабину!

Мать с детёнышем развернулись и засеменили в противоположную сторону.

– До встречи, – гавкнул я им вслед, уже направляясь к своим спутникам.

Макаров выпрыгнул из вездехода, пропуская меня внутрь.

– Залезай, герой, – произнёс он и обратился к Андрею Максимовичу: – Ай да поводырь у тебя! Молодец! Если бы не Триха, погиб бы медвежонок. Тропы тут не езженные, здесь редко кого можно встретить. Так что вряд ли медведица дождалась бы от кого помощи.

После того, как Александр Борисович в деталях пересказал моему подопечному историю спасения медвежонка, Андрей Максимович подтвердил:

– Да, мой Трисон – отважный пёс.

Друзья, надеюсь, вы меня не осудите, но я вам честно признаюсь: от слов подопечного меня прямо так и распирало от гордости!

Вездеход ещё долго трясся по тундре, всё дальше и дальше увозя нас от цивилизации. Я заметил, что день неожиданно быстро начал клониться к вечеру. Последние лучи солнца слегка золотили вершины сопок, постепенно мрак спустился на землю, и очень скоро все потонуло в нём.

– Ну вот и закончился наш короткий полярный день, теперь наступает длинная-предлинная ночь, – произнёс Александр Борисович, обращаясь к моему подопечному, будто он мог видеть наступившую темноту.

Через некоторое время фары вездехода осветили несколько конусообразных сооружений, из крыш которых валил густой дым. Наш транспорт остановился возле одного из них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.